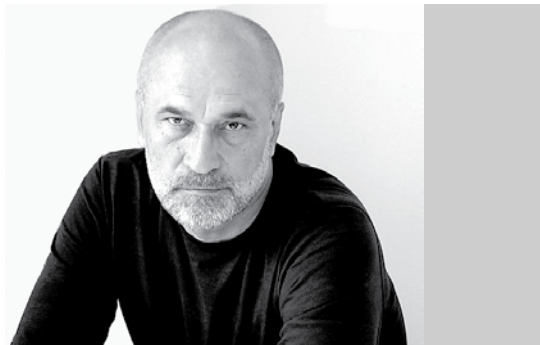

Юрий Казарин

Казарин Юрий Викторович родился 11.06.1955 в Екатеринбурге, на Уралмаше, в семье инженера и медика. Занимался спортом (лёгкая атлетика и баскетбол). После окончания школы работал фрезеровщиком на Уралмашзаводе. В течение жизни параллельно учёбе и основной работе испробовал и освоил несколько профессий: столяр, сушильщик древесины, сторож, уборщик, грузчик, санитар-медбрат, регистратор и ассистент патологоанатома (в морге), техник по топливу, журналист, зам. главного редактора журнала, редактор, корректор, зав. отделом поэзии журнала «Урал» и др. Служил на Северном флоте. В 1981 г. окончил филологический факультет УрГУ. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации по специальности «русский язык». Доктор филологических наук, профессор. Художественный руководитель специальности «литературное творчество» в Екатеринбургском государственном театральном институте. Первая поэтическая публикация – в 1976 г. Автор поэтических книг: «Погода» (1991), «После потопа» (1994), «Пятая книга» (1996), «Поле зрения» (1998), «Побег» (2002), «Против стрелки часовой...» (2005), «Избранные стихотворения 1976–2006» (2006), «Каменские элегии» (2009), «Каменские элегии. Часть вторая» (2010), книги стихотворений и прозы «Пловец» (2000, дополн. изд. – 2006). Составитель более 120 поэтических книг, сборников, альманахов и антологий. Лауреат нескольких литературных наград и премий. В течение семи лет возглавлял региональное отделение Союза писателей России. Автор и инициатор проекта Международного фестиваля «Поэтический марафон» (рекорды Гиннеса и Русского клуба рекордов «Левша»; проект удостоен Национальной премии «Серебряный лучник»). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Уральская новь», «Юность», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Арион», «Сибирские огни», а также в изданиях США, Израиля, Герма-

нии, Украины, Италии, Испании и др. Участник АСУП-1,2,3. Живёт и работает в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов Ю.К.

Традиции, направления, течения: классика, романтизм, натурфилософская лирика, модернизм, постакмеизм, минимализм, метафизическая поэзия, метареализм.

Основные имена влияния, переклички: И. Гёте, А. Пушкин, Е. Баратынский, Ф. Тютчев, О. Мандельштам, М. Цветаева, Н. Заболоцкий, А. Тарковский, А. Блок, И. Анненский, М. Никулина, А. Решетов, Б. Рыжий, Г. Русаков.

Основные формальные приемы, используемые автором: исповедальность, антитетичность, метафора, олицетворение, оксюморон, перифраз, метонимия, ассонанс, медитативность, амфиболия, эллипсис, персонификация, психологический параллелизм, удвоение.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: полный состав поэтических мифологем (душа и плоть, ангелы, сад, ад, слово (язык, речь, голос), птицы, насекомые (бабочки, стрекозы, осы, шмели), растения, вода и лед, твердь (почва, земля, глина), небо, сон, смерть, рождение, женщина, дитя, молоко, кровь, соль, окно, пустота, взгляд (зрачок, «иное зрение», кривизна зрения), чудо, стекло, зеркало и мн. др.), бытовые реалии повседневности (трамвай, спички, поллитровка, перчатка и мн. др.), абстрактные понятия (вечность, пространство и др.), отражение вечного в повседневном и наоборот, антитетические метаморфозы и перепады, удвоение мира в метафизических слоях, времени, вечности.

Творческая стратегия: исповедальный поиск идентичности и сопричастности бытию в процессе речетворчества, преодоление хаоса через перерождение, удвоение мира.

Динамика: при общем единстве поэтики во 2-м томе, по сравнению с 1-м, метафоры усложняются, плоть стиха становится более пластичной, происходит взаимное прорастание субъекта и объекта речи, в стихах 3-го тома усиливается пропеизм и лирическая авторизация, происходит совпадение удвоенного мира с самим собой.

Коэффициент присутствия: 0,83

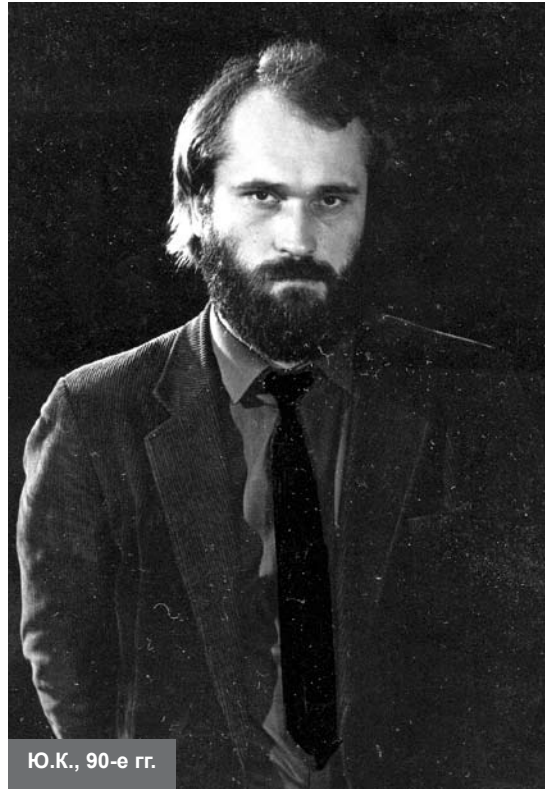
АВТОБИОГРАФИЯ (ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА)

Когда тебе за пятьдесят, когда твое самопознание (здесь, на этой земле и в этом времени) начинает если не завершаться, то по меньшей мере закружаться или складываться в восьмерку, то есть в знак, сами знаете чего, в две петли – бессмертия начального как иллюзии и бессмертия конечного,

как такового – в рамках твоей жизни, оказывающейся смертельной, – когда уже и ямб от хоря отличать не обязательно, – когда, начиная воспринимать книгу, фильм etc, ты через пару минут уже знаешь, чем там все закончится, – когда ты видишь (и слышишь, и понимаешь) по глазам, что владелец взгляда скажет тебе через пару минут, через час, завтра, через год, – когда ты смотришь в зеркало и видишь себя, иного, прежнего, а не этого лысого мужика с усталыми глазами, – когда ты – и это главное! – воспринимаешь себя в качестве некоего инварианта многих разноместных и разновременных себя-людей (нет, ты не знаешь себя до конца – еще не знаешь, но уже умеешь и можешь наблюдать за собой со стороны), – когда ты перестаешь понимать мир так, как это делают другие, и прощаешь ему свое непонимание, – вот тогда, да, именно сейчас, ты знаешь и понимаешь, что глаголы «знать» и «понимать» здесь, в этой жизни, не просто не уместны, но и асемантичны, пусты и почти бессмысленны.

Если честно, я мало знаю себя. Помню себя, но почти не знаю. Потому что жизнь оказалась именно такой и тем, чего я хотел от нее: жить – значит писать. Точнее, записывать – то ли за собой, то ли за кем-то, кто тебе постоянно что-то наговаривает, но не как на диктофон, а, скорее, как на некий спиритофон. То есть, грубо говоря, в тебе всегда есть то, что нужно (не – можно!) записать. Нужно – тебе. И, может быть, больше никому. Здесь уже как повезет.

Все началось как-то сразу и чудовищно мощно, почти пугающе и обескураживающе, – года в три, когда я понял, что одновременно вижу, слышу, думаю, чувствую и осознаю Нечто, или – то, что не воспринимают многие другие. Заикание мое многолетнее, до немоты, создало идеальные условия для «думания» музыки и стихов. Язык, музыка (а я слышал и слышу ее постоянно – и во сне, и в реанимации, и наяву) и Нечто – вот та загадка, энигма, энергия, чудо и сладкая боль, которая определила мое существование в роли человека и нечеловека: правда, есть в таком состоянии (непрерывающемся) нечто нечеловеческое – думать стихи постоянно и без передышки, до изнеможения, превращающегося неизменно в новое и / или преображенное начало следующей чудесной муки. Слово не есть поэзия. И поэзия – не слово. Не только слово. И, чтобы познать это «не только», я всю жизнь свою провел в словесности – внутренней, когда учился, работал, служил на Северном флоте, кем-то за что-то наказывался или поощрялся, болел, опять учился, опять работал – но уже в науке – с языком, с текстом, с текстотворцами, – и в словесности внешней: уже как читатель (прочел несколько десятков тысяч книг – художественных, научных и никаких) и

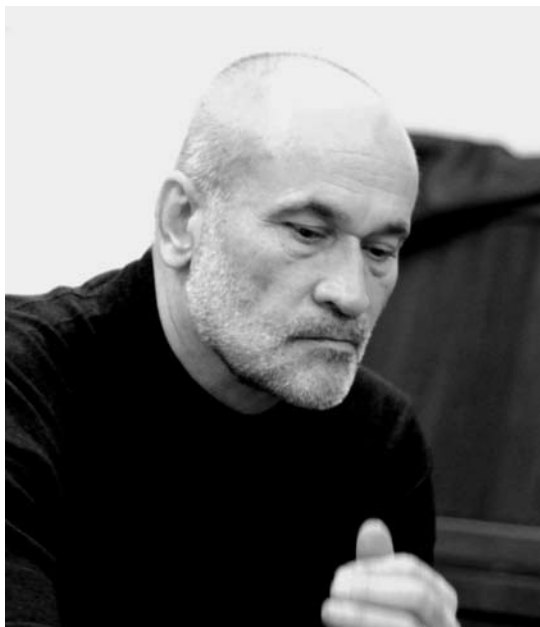

Ю.К., 90-е гг.

как сочинитель. Моя словесность началась с деда, говорившего мне Лермонтова, Пушкина, Тютчева, Фета и модного в его гимназии (до 1917 г.) Анненского, – и с бабушки, поэта народного, религиозного и чернокнижного («народное чернокнижие»), сказочницы и сказительницы (дарившей мне в уши апокрифы и библейские, и народно-поэтические). Моя музыка началась опять же с бабушки, с мамы-певуньи, с виниловых пластинок (78 об / мин), с песен застольных и звучавших по сетевому городскому и всесоюзному радио (от Чайковского до Бетховена и Шопена). (Нынче слушаю только Вивальди, итальянцев, Гайдна и Баха, остальное – по настроению, тогда как перечисленные – по душе).

Музыка и словесность были опознаны мной и приняты в трехлетнем возрасте. А вот загадочное Нечто было всегда. Музыка и язык варьируются – Нечто остается неизменным. Мы придумываем, комбинируем и усиливаем музыкальные и языковые / речевые / текстовые приемы выявления и проявления этого Нечто. А оно ускользает. Или – приходит, объявляется само. Такие дела.

Поэзия – не литература. Нелитература. Она «выжимается» (термин Бахтина) из прозы, из драмы, из стихов, из речи, из музыки, из визуальных и виртуальных видов дословесности, словесности и послесловесности. Очень хочу ощутить ее в чистом, в нематериализованном виде. Мечта.

Ю.К. в 2011 г.

Поэзия – это Нечто? То самое мучительное чудо, отзвуки которого (или «стоны» уловленного и становящегося несвободным?) виолончельны в стихах Мандельштама, Рильке и Данте (вот такая получилась именная ретроспектива). Может быть, так оно и есть. Мне кажется, чтобы ощутить это Нечто, нужно соединить и сжать (душой, сердцем, разумом и всем, что есть во Вселенной) в одну нестерпимо светящуюся точку жизнь,

смерть, любовь, душу, Бога, время, язык и музыку. Кому это по силам?.. Легко называть себя поэтом (некоторые даже в визитных карточках определяют род своих занятий – «поэт»). Но если имярек – поэт, то Баратынский – Бог. Когда тебе за пятьдесят, ты понимаешь, что возраст есть категория в большей степени социальная. Онтологически мне по-прежнему 27 – и я только что пережил Лермонтова.